

18+

Алексей Михайлович Романов

БРОСАЯ КОСТЫЛИ

Алексей Михайлович Романов

Бросая костыли

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67257156
ISBN 9785005618900*

Аннотация

«Бросая костыли» Алексея Романова – автобиографическое произведение, в котором автор в контексте советской эпохи («оттепели») повествует о детских и юношеских годах вплоть до окончания школы. История становления оказывается неразрывно взаимосвязана с преодолением жизненных препятствий, когда и товарищ тебе не во всем друг, и учитель иногда не поддержка. Читатель вместе с героем переживет самые яркие моменты, рассказанные с юмором, живым, увлекательным слогом.

Содержание

Пролог	5
Украина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Бросая костыли

**Алексей Михайлович
Романов**

© Алексей Михайлович Романов, 2024

ISBN 978-5-0056-1890-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*На костылях летать сложно, но он освоил это
умение
(Из школьных сочинений)*

Маме приснилось, что она в роддоме. Ей принесли что-то маленькое с фиолетовой рожицей, завернутое в пеленку. Оно очень спешило, торопилось жить и родилось семимесячным.

Сон оказался в руку, как и многие другие из ее вещих снов. Так появился я. Со странными снами, передававшимися от мамы. Примешивались и другие сны. Наверное, отцовские и совсем чужие. Зенитное орудие в укрытии (почему-то в подъезде нашего дома), сероватый круг прицела с белыми рисками и в нем три самолета, ведущие бой. Нудный, вызывающий головную боль, противный вой моторов. И пронзительно-вязкое чувство опасности. Собственная память мелкого шпаненка трехлетнего возраста, родившегося через шесть лет после окончания войны?

И с чего бы в детских снах появлялись огромные белые дворцы, в которых никого нет? И в которых я никогда не был. Там, где я родился и рос, дворцы не водились.

На память никогда не жаловался. И навсегда запомнил ночь, когда папа и мама не пришли домой. Я остался с нянь-

кой и дико орал. Было очень страшно. Время смерти Сталина. Его портреты были повсюду, большие и красивые. Как красочные коробки с замечательными игрушками внутри. Трехтрубный заводной корабль, действительно плававший в лужах. Экскаватор, которым можно было копать песок. Ими мы играли в детском саду под добрым взглядом Вождя.

Потом эти портреты как-то быстро отовсюду исчезли. Даже из фирменных лейблов газет. Остались только Ленин, Маркс и Энгельс. Зачем?

Жизнь потускнела. Изменились взрослые. Стали отчужденными и злыми. Даже в мелочах. В гостях у детсадовского друга его отец, военный летчик, прошедший войну, коммунист, ни с того – ни с сего очень злобно спросил:

– Що ты сюды кацапа прыывыв?

Вот так я первый раз в жизни потерял друга. Может стал чуточку взрослее и стал обращать внимание на несуразности в поведении окружающих? Наверное, прорезалась логика, которой придерживались папа с мамой. Другую навязывали лозунги и действия родимых партии и правительства. Денежная реформа, которую декларировали как заботу о народе. Ну, да. Отечественная забота о достойной цене труда крестьян. Как интересно... Цена хлеба взлетела сразу в десять раз. Легче жить в деревне не стало. Налогами обложили даже саженцы деревьев в садах. Ооочень многозначная логика оказалась. Народная мудрость: «У лжи много языков...» Люди не возмущались, нет. Боялись. Только анекдоты втихую

рассказывали. Ага: объявили международный конкурс «Научи обезьяну говорить». Выиграл, естественно, русский Ваня. У которого в финале животина, офонаревавшая от брехни хозяина, взявшись за голову, орала «Ой ..., ой ... (в переводе с матерного – брешет)».

Ну да, наше философско-коллективное бессознательное: единство и борьба несуразностей (извините, конечно – противоположностей), оправдывающее жизнь, как свару противоречий. Объяснений не требуется. Привычку вырабатывайте граждане, при-выч-ку. Выжили тогда, выживем и сегодня. Может быть.

А может прислушаться к обезьяньему: «Ой...»?

Кому понадобился шелест «мудрого» руководства? Может трезво подумать и выбрать дорогу, которую предлагает судьба, а не искусственные указания «умников», дорвавшихся до власти? Попытаюсь посмотреть, как у меня это получилось.

И начну с детства.

Украина

Украина начала пятидесятых. Моя Родина. Красивая, цветущая. Вся в садах, обалденно пахнущая цветами и ягодами. Шумная и щедрая.

Ведь вроде, ничего особенного. Терны – провинциальный рудничный городок. Идеально чистенький и очень тихий. Булыжные мостовые, по которым изредка громяхают машины. А на тротуарах часто встречаются коляски инвалидов – страшные следы недавно закончившейся войны. На первое мая и седьмое ноября проходят демонстрации с огромным количеством людей, духовыми оркестрами и машинами, обтянутыми красной материей.

Как-то летом на центральной улице увидел такую машину, обтянутую кумачом с тремя женщинами в кузове. Но одинокую. Без толпы. Побежал домой и во дворе радостно кричу:

– Папа, мама, идем быстрее на улицу, там демонстрация начинается!

Взрослые промолчали, а ребятишки постарше с ужасом просветили:

– Дурачок, это похороны.

– А почему, как на демонстрации?

Никто не ответил на этот детский вопрос. И быстро разошлись. Что такое похороны я узнал позднее. На нашей улице они были редкими. Во всех ее домах жили молодые се-

мьи горняков. Два двухэтажных дома и десяток «финских» домиков – коттеджей начальства средней руки. Шесть частных каменных домов семей офицеров. Вот и вся наша улица Первомайская и дом №2 на восемь семей, где мы живем.

Дом окружен кованой железной изгородью, на остриях которой ребяшня рвала свои трусы. Калитка и ворота. По ночам окна дома восхитительно светятся разноцветными огнями. Оранжевыми, зелеными, фиолетовыми. Как волшебная новогодняя елка. Кажется, что за каждым таким окном прячется сладкая тайна. Хотя все знают, что разноцветье идет от абажуров, нависающих над одинаковыми круглыми столами, к которым приставлены стандартные угловатые и жесткие стулья. Но там живут совершенно разные люди со своими уютными, домашними секретами.

В некоторых квартирах стоят огромные аквариумы с лениво плавающими рыбками. Правда они мне очень быстро надоедают. А с ними владельцы и их хвостовство.

Совсем другое дело сад во дворе, самый роскошный во всем городе. Его хозяин, дед из четвертой квартиры, никому не позволяет вмешиваться в процесс ухода за зеленью. Даже поливать не дает. Но не запрещает ребятне заходить в огород и рвать, что понравится. Понятно, с разрешения. Все же мы стараемся обходить стороной роскошнейшие цветники и грядки. Страшно порушить такую красоту. Зато на деревья мы лазим совершенно бессовестно. Причем только в нашем дворе. В других дворах растут тополя с тонкими

и ломкими ветками. Неинтересно. Нормальные дети такие деревья обходят стороной.

А наш дом окружен вишнями. Роскошные деревья, с которых мы втихую обрываем недозрелые кислющие ягоды. Немногим позже, когда вишня созревает, всю ребятню загоняют на деревья для общего сбора урожая. Тонкие ветки вишен могут выдержать только вес малышей. Взрослые передают нам детские ведерки и получают обратно уже с ягодами. И весь урожай делится поровну на каждую семью в доме.

В этот день хозяйки варят варенье. На его запах заглядывают знакомые из соседних домов и прохожие. А бабуля из четвертой квартиры варит вареники с вишней для всей ребятни.

Нас раздевают до трусов и усаживают за стол во дворе. Каждому накладывают вареники, и мы вгрызаемся в них, брызгаясь сладким вишневым соком и плюясь во все стороны косточками. Хохочем. И дети, и взрослые.

После того, как наедемся, нас липких и замурзанных разносят по домам. На вытянутых руках, чтобы самим не прилипнуть. Вытряхивают из трусов в ванны. И мы плещемся, забрызгивая не только полы, но и стены. Даже потолки страдают. Это никого не напрягает и весь дом оглашается радостным детским визгом.

Вечером, за уже отмытым столом, во дворе рассаживаются взрослые. Пьют вино, угощаются домашним салом, селедочкой и разваристой картошкой. Бедноватое послевоен-

ное застолье. Зато дружное. Хором поют протяжные и грустные украинские песни. Неспешно беседуют. Меньше десяти лет прошло с окончания войны. И о ней все еще говорят в застольях. В воспоминаниях нет места ненависти. Только печаль о погибших друзьях и близких. И спокойная гордость победителей.

Мой отец подыгрывает на мандолине или на гармонии. Весело и задорно. Под его марши на губной гармошке, все дети очень серьезно вышагивают, как солдаты. Взрослые по-доброму улыбаются.

И вообще, любой праздник отмечается всем домом. Всегда с сюрпризами. Наша семья тоже попадала под розыгрыши. Пришла мама домой после работы, уставшая. С изумлением видит, что дверь в квартиру открыта настежь. Столы накрыты. Вкусняшками и горячительным. Вдоль стенок выстроились соседи. Ухмыляются.

Дед из четвертой квартиры выдает:

– Приглашай хозяйшка гостей за стол.

Мама ничего не понимает. Спрашивает:

– С чего бы это?

– А у кого сегодня день рождения?

– Ой. Забыла.

Но быстро нашлась:

– Не буду приглашать. Это я тут в гостях. Пригласите вы меня. Пожалуйста.

Счастливое время. Казалось, так будет всегда.

Вот брожу один по задворкам в высоких бурьянах. Этот мой лес. В зеленоватом полусумраке придуманной сказки рядом крадется радость. Она щекочет живот и пузырьками, как газировка, поднимается к горлу. Ноги сами подпрыгивают, как пружинки. Визжу от счастья и ношусь по тропинкам в зарослях.

Выбежал из джунглей и побежал вокруг дома. И тут увидел маму. Она мыла окна нашей квартиры. Стоя снаружи на узком карнизе. На огромной высоте второго этажа. Я жутко испугался. Боялся, что она упадет, разобьется и больше ее не будет. Никогда. Мама заметила меня, засмеялась и спросила:

– Зачем ты тянешь ко мне ручки?

А я, через слезы:

– Когда ты упадешь – я тебя поймаю.

Даже не заметил, как она вдруг оказалась рядом, тискала, целовала и сама плакала.

Когда мама рассказывала это своим подругам, те и смеялись, и отчаянно завидовали.

Первая необъяснимая странность со мной случилась именно в нашем доме. Спускаюсь по лестнице на первый этаж к другу, Валере Белоножке. Постучался. Щелкнул замок и дверь открылась. Но вместо привычной обстановки и знакомых людей за порогом оказался густой белый туман. Из тумана появились две белые фигуры – молодой парень лет пятнадцати и женщина, его мать, наверное. Очень чужие

и незнакомые.

Ни слова не говоря, они внимательно и неприятно рассматривали меня. Так на нас, детей, никогда не смотрели. Как на ненужную и досадную мелочь. Стало не по себе. Откуда-то пришло понимание, что с ними общаться нельзя. Опасливо я повернулся и убежал. Сел на первую ступеньку лестницы. Не понимая, что эти чужие делают в квартире Валерки. Дверь закрылась. Посидел немного, и ушел домой. На всякий случай. Только на следующий день решился снова пойти к Белоножке. На этот раз все оказалось обычно. Может это был просто сон. Только очень необычный и детальный.

Вторая странность произошла через полгода. Когда к нам приехала бабушка Ольга с моим двоюродным братом Сережей. Она была очень старенькой, чистенькой и доброй. Хотя меня страшила ее вставная челюсть в стакане. Бабушка готовила вкусно, и после еды заставляла нас лежать. «Чтобы не было заворота кишок». Мы это предостережение дружно ненавидели. Но бесполезно. Порядок в доме соблюдался идеальный. Не зря бабушка до войны заведовала детским садиком НКВД и ее все очень любили и уважали. Особенно родители детей. Даже когда деда арестовали и отправили в лагерь, сами работники НКВД спрятали ее и девять детей в глухой уральской деревеньке. Вот и «не смогли» ее найти, чтобы отправить следом за мужем, а детей рассовать по детским домам. Бабушка быстро стала председателем сельсо-

вета. Все, и она с детьми и жители деревеньки благополучно пережили войну. А дед пропал. Только в 1976 году его реабилитировали, посмертно. Уже после того, как бабушка умерла.

Брат Сережа старше меня на три года. Серьезный и основательный, он никуда не торопился, умел и знал многое. Ну и защищал меня порой от нападков пацанвы. С ним я был как за каменной стеной. Настоящий брат. Он ведь большой и ничего не боится. Только один раз сильно стухнул.

Спали мы вместе, на одной раскладушке. Как-то ночью я проснулся и вижу белые фигуры в темноте коридора. Три очень красивые девушки. Средняя очень знакомая. Улыбается и манит к себе рукой. Я в бок толкаю Сережу:

– Смотри, нас Нелька зовет. Пойдем, а?

Сережа проснулся, глянул и затрясся. От перепуга он залез под одеяло с головой и дрожал уже там:

– Привидения...

Его ужас я не понял, но тоже залез под одеяло с головой. На всякий случай. А когда вылез, фигур уже не было. Осталось разочарование – Неля была моей самой любимой двоюродной сестрой. Очень жалел, что не пошел к ней.

Когда я рассказал про это, дед из четвертой квартиры задумчиво так сообщил, что была какая-то темная история с немецкими офицерами. Во время войны они жили именно в нашей квартире.

Странно это. Может тоже приснилось, а? Детские фанта-

зии, которые потом вплелись в действительность? Тогда почему белые фигуры видел не только я? Пограничное состояние? – а что это такое? Слишком размытое понятие, выверт врачей, которые от слова «врать». Шизятина? – сомневаюсь, не было у меня таковых в роду. В кино подобное не показывали. Экстрасенсорика? – Можно гнусно ухмыльнуться? Честно говоря, и неинтересно. Факты и события, существуют. И нет большего вранья, чем их заказная интерпретация. А прозрачная девушка и я друг-другу понравились.

Настаивать на реальности не буду. Незачем. Случилось и случилось. Живем дальше. Как и каждый из нас. Со всеми иногда происходит что-то странное. Просто многие забывают, или стесняются рассказывать. Особенно взрослые. В детской компании проще. За такое ребятя тебя не высмеет. В детстве всегда есть место необычному, сказочному.

Все трещат на дичайшей смеси украинского и русского. Прекрасно друг друга понимают. Шкодят, где попало и как попало. Огребают коллективно. Ведь никто не сдает виновников.

Пивной ларек рядом с домом, прячущийся в кустах сирени и ненавидимый всеми жительницами города. Наслушавшись обиженных мам, втроем делаем налет на «гнездо порока». Вооружившись пистолетами с пистонами, в потемках, прокрадываемся к окну раздачи и дружно палим в продавщицу. Та в испуге орет и роняет кружки с пивом. Мужики в очереди оторопели, а мы с чувством исполненного долга,

хохоча, разбегаемся по домам.

Нет, никто нас не сдал. Взрослые сами вычислили быстро. Отцы жестоко расправились с нашим «оружием», пистолеты в металлолом превратили, а пистоны в помойку отправили. Вот только ремни применить побоялись. Мамы грудью встали на защиту. И ведь всем помогло. Ну, хоть немного, а?

Вообще то и с настоящим оружием развлечений хватало. К северу от города, на местах бывших боев часто находили гильзы и пули. Реже – изуродованные винтовки и автоматы. И вот у меня случайно оказалась какая-то жутко тяжелая железяка. Смутно похожая на гранату. С кольцом на торце. Загружаю ее на велосипед и катаю по дворам. Уверяю всех, что это противотанковая граната. Взрослые, само-собой, посмеиваются. А я жутко обиделся. Нет, нужно во чтоб-то ни стало доказать свою правоту. Что сделать? Правильно, большой БУМ! Вот лезу на дерево и собираюсь сбросить эту «гранату» с высоты. Гады взрослые подстраховались – отобрали мою игрушку. На всякий случай.

Следами войны было не только оружие. У наших соседей сохранились немецкие деньги. Оккупационные марки. С немецкой писаниной и портретом тощего мужика в военной фуражке с высокой тульей. Гитлер, наверное. Серо-зеленая, промокашечная бумага, вызывающая чувство брезгливости. Нет, все же насколько наши карбованцы (рубли) наряднее и приятнее.

В нашем маленьком городе для детей откуда скука? Со-

бытий много. Всегда находится, чем заняться. Бегаем в кино и на кукольные представления. С наслаждением едим мороженое. Особенно «Эскимо». В шоколаде, на палочке. Оно тает и во рту, и в руках. В отличие от дорогого пломбира не оставляет противного послевкусия замороженного жира. Только прозрачный, чистый холодок. И обалденный запах смеси фольги, какао и молока. У «Эскимо» только один, очень существенный недостаток – быстро кончается. В парке пьем газировку с сиропом. Ее наливает улыбчивая продавщица из странного агрегата: в одной колбе вода, а в другой сироп. Детям она подбавляет побольше сиропа. И кто тут возмутится? Правильно, ИДИЁТОВ НЭМА.

Прилетели на кукурузнике летчики. Сели на поле за Зимним кинотеатром. Шабашку устроили. Всех желающих катают. Взлет, круг над городом и посадка. И все удовольствие за три рубля. Плата без билетов, при посадке в самолет. Полгорода сбежалось. Шум, скандалы. Все рвутся в самолет. После полета вылезают обалдевшие, довольные, как слоны. Счастливые!!! Завидки нас взяли. Вместе с Валеркой бежим домой за денежкой. Облом! Визги и мольбы не помогли. Родители стеной встают:

– Нечего с пьяными шабашниками летать, угробьтесь еще.

Через час летуны сматываются, пока их госорганы не накрыли. Не успевшие полетать очень нецензурно выражают недовольство. Нам нельзя. Маленькие еще.

Появились рекламы бродячего цирка. «Смертельные гонки на мотоциклах по вертикальной стене.» Ждем с нетерпением. Ужасные случаи аварий на мотоциклах друг-другу рассказываем. Врем, конечно.

И вот приехали рабочие. Возле Зимнего кинотеатра быстро соорудили огромный стакан из досок. Наверху, вкруговую по кольцу стакана, расположены места для зрителей. И за смешные три дореформенных рубля мы поднимаемся наверх по лестнице, смотреть представление.

Конферансье вызывает по очереди клоунов и акробатов. Жонглер теряет несколько шаров и делает вид, что это специально. Фокусник расхлябано дурачит зрителей. И все это на дне деревянного стакана. Смотреть сверху вниз на это непривычно и скучновато. Все нетерпеливо ждут гвоздь сезона — «смертельные гонки».

И вот забили барабаны... С оглушительным треском на сцену выкатил мотоцикл. Один! А где же гонка? Ну хотя бы два или три мотоцикла... Надувало!!!

Зрители разочарованно переглядываются. Но комментарию заглушаются ревом мотора. Нет, здоровенный мотоциклист честно отработал свой номер. Катался по вертикальной стене, показывал гимнастику на мотоцикле и даже ездил, отпустив руль. При этом, закрывал глаза повязкой.

Во всем этом для меня ужасно опасным показалось только то, что мотоцикл может проломить доски. Которые так и ходили ходуном при каждом проезде гонщика возле меня.

Это же весь стакан рухнет, и мы вместе с ним с семиметровой высоты. Спускался по лестнице на трясущихся полусогнутых ножонках.

Тем не менее, фокус езды без руля нам понравился, и мы его освоили. Хотя глаза платком не завязывали. Втроем гоняем на велосипедах, иногда забираясь очень далеко. Но всегда возвращаемся домой вовремя, чтобы не тревожить родителей. Иногда не очень целые.

Самым опасным оказался спуск с крутой горки. В конце тропинка виляет между крупными валунами. Прикинул наиболее вероятный результат – сообразил, что на высокой скорости не смогу увернуться от камней. Представил, как врезаюсь в эти валуны, надеваюсь животом на руль и лечу, шкандыбая по каменному кавардаку. Да так, что даже боль заранее прочувствовал. Отказываюсь сразу. Валерка рванул, по счастью передумал и сумел затормозить перед въездом в опасное место. Тоже просчитал. А Женька отчаянно бросился по тропе. И на середине каменной гряды без тормозов не вписался в повороты. Ничего красивого в его полете не было. Зато – истошный визг. Потом мы долго дули на его окровавленное хозяйство. Еще-бы. Первая помощь при ушибах. Пешком домой возвращались. Женька ехать не мог.

После этого лидерство в гонках как-то незаметно переключалось ко мне. Очень нравилось с разгона проезжать по глубоким лужам. Брызги в разные стороны, мягкие подпрыгивания на подводных колдобинах. И ведь не падали.

А затем первым из нашей тройки пошел в школу. В шесть лет. Остальные пошли на следующий год, как и положено, в семь.

Иду и выпендриваюсь в своей новенькой серой школьной форме... Ни у кого такой нет. Строевым шагом топаю в школу, гордо, один без сопровождения. Встречные взрослые чему-то улыбаются. Что только усиливает чувство праздника.

Всех первоклашек во дворе школы встречает Первая учительница, очень красивая и добрая. На первом классном часе проверяет всех пофамильно и явно радуется нам. Затем проверяет наличие портфелей, пеналов, тетрадей.

С первых же дней понял, что я для нее совершенно неинтересен. Со мной ничего не нужно делать. Самое главное взяла на себя мама. Именно она была моей настоящей Первой учительницей. Она заставила меня бегло читать уже в пять лет. Что не раз ставило меня в неловкое положение. Ну, обозвал круглого двоечника и тупицу «сукой» за все хорошее. А он стуканул учительнице. Это предательство оказалось выше моего понимания. Так у нас никто не смел делать. Больно били все. Отца вызвали в школу, указали на недостойное поведение сына.

Папа возмутился:

– Ты хоть одно матерное слово от меня слышал?

– Нет.

– Кто научил?

– Никто...

– А откуда взял?!

– На стене нашего дома написано...

– Показывай!

Прямо от калитки видна стена дома, а на ней то самое слово, написанное метровыми буквами. Молчание. На следующий день оно было затерто. Вместе с другими, более «интересными» словами.

Затем уже мама хохотала, когда ее отчитывали на классном собрании. В то время, когда учительница заставляла класс читать по слогам – я визжал от хохота. Она меня подняла и потребовала объяснить причину смеха. Ну, я честно и объяснил, что читаю смешную книгу. Следует ехидное предложение почитать эту книгу всем. И я послушно выполняю. «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». Книга детская, понятная и очень смешная. Весь класс лежит от хохота. Учительница в растерянности, особенно потому, что формально она же сама скомандовала... Обошлось без наказы.

На счастье учительницы, я заболел.

Странно, но болезнь не чувствовалась. Нет, ну за что мне такое «счастье»? Украинская осень теплая и без ветра, а меня заставляют ходить в зимней шубе. Жарко, тяжело и очень стыдно перед другими детьми, многие из которых бегали даже без пальто. Отвратительно.

Диагноз у меня оказался длинным и дурацким. Ставила ну очень неуверенная в себе врачиха: стертая форма скарла-

тины с осложнением на сердце.

Сначала меня уложили в общую палату. Ребяшня вся чужая, но не вредная. Все обходилось без драк. Никто прав не качал. Днем все нормально. Весело, визг, беготня. Зато ночью, долго не спал, валяясь с открытыми глазами. И несколько раз, поздно ночью, слышал странное. Церковное пение. Это в центральной городской больнице и в то время, когда шли гонения на церковь. Когда нам с малых лет внушали неприятие всего религиозного. Наверное, пели больные женщины, или медсестры.

Потом меня перевели в тяжелое отделение. Бокс для умирающих. Со строгим постельным режимом. Там еще женщина была с очень слабым грудным ребенком. Перепуганные отец с мамой через окошко меня подбадривали, а я не понимал, в чем дело. Чувствовал себя обычно, без каких-либо проблем. Плевал на строгий постельный режим и носился по боксу, пока никто из врачей не видел. Правда, ночных песнопений больше не слышал. Через пару недель меня вернули в общую палату.

По всей видимости, лечащие врачи оказались в больших непонятках. Явилась ко мне очень представительная дама в белом халате, привозное светило. С неприятным, изучающим взглядом. Для налаживания контакта она без всякого интереса поиграла со мной в детскую настольную игру. Пыталась подружиться. Мне стало неприятно. Отталкивала неестественность ее поведения. Просмотрела мои школьные

задания. Мы с ней даже поспорили, как правильно пишется слово «Солнце». Она утверждала, что проверочное слово «Солнышко», а я – «Сонэчко». Врач возмутилась:

– Ты, что – украинец?

– Ни, русский, тут мени уси хохлы кацапом кличуть.

Тяжелый случай: профессор и первоклассник остались при своих мнениях.

Мне это не помогло. Врачам, впрочем, тоже. Так в недоумении меня и выписали. Спустя два месяца.

Я не сразу заметил, что появилась проблема с ощущением запахов. Раньше, заходя в магазин, различал запахи нескольких разных чаев, находившихся на далеких полках. И сладковатый запах гречки в брикетах. На улице иногда чувствовал чудесный незнакомый запах, намного более приятный и нежный, чем запах духов. Но что это было – узнал только много лет спустя. Анаша оказалась. Теперь же... О мягких запахах осталась только память. И постоянные сопли – хронический насморк, так это называлось. Переусердствовали эскулапы с лечением.

Первый день на свободе показал, что появилась у меня еще и другая проблема. Гуляю один во дворе дома. Ранняя весна. Травка зелененькая. Небо голубое. Которое, вдруг, становится черным. Бегу домой на второй этаж, задыхаюсь, и понимаю: «Пора лечь». Плюхаюсь на постель в грязных башмаках и тихо – смирно ожидаю продолжение. Холодный пот прошибает. Вонючий. Понятно, сейчас будет очень худо.

Но страха нет. От слова «Совсем». Знаю, что все будет нормально. Постепенно слабость и чернота уходят, только липкий противный пот напоминает о неприятности. Похоже, Великая Дама только пальчиком погрозила. Согласилась, что ее бояться не надо, но уважать – обязательно.

Хорошо, что мама была на кухне и ничего не заметила.

Этот стало первым настоящим проблеском: мои сложности только моими и являются. Главное не дергаться и спокойно отслеживать ситуацию, без вмешательства. Изредка такие приступы повторялись. Во время беготни. Приходилось предупреждать друзей, чтобы не болтали.

Наверное все-же растрезвонили. И ребятне из нашего двора строго запретили со мной играть. Во избежание... Часто меня оставляли под надзором соседей. Сидел в чужих комнатах. В тоске смотрел на дурацких рыбок в аквариумах. Иногда включал радиоприемник. Позволяли. До тех пор, пока не своротил ручку управления, которую даже взрослые не могли сломать – аппаратура тогда была дубовая, на идиотов рассчитанная, но не таких как я. Общее удивление это у всех вызвало.

А затем слабыми ручонками сломал ключ, застрявший в замочной скважине. И долго сидел перед закрытой дверью. Ожидал отца – соседи не смогли справиться с поломкой. У папы силища была огромная, а также великолепное соображение. Используя пинцет и отвертку, он легко открыл дверь и парой движений вытащил обломок ключа из скважи-

ны. И не ругался. Замечательно.

Летом мама увезла меня на Черное море. Долечиваться. Поехали сразу тремя семьями. Две мамы, один папа и четверо детей. Отправились дикарями, но по уже известному адресу в Скадовск.

Огромное ярко-синее море бесконечно большие пляжи. Мелководье, на котором невозможно было утонуть – уходишь от берега на сотню метров, а глубина меньше, чем по шейку даже у детей. В чистой, теплой воде по полчаса и больше бултыхались без проблем. И без надзора. Часами наблюдали с пирса за медузами. После того, как обожглись, больше не пытались брать их руками. Да и жалко. Берешь такой аккуратный красивый зонтик, вытаскиваешь на настил, а он превращается в грудю соплей.

Уже к середине сезона я заработал репутацию отъявленного вредителя. Дом нашей хозяйки имел один туалет и только на улице. Сооружение для одного посетителя. Валерка показал мне фокус, как находясь на улице закрыть эту кабинку изнутри. А что, просто и надежно. Рано утром я его и сотворил. И ушел в комнату читать. Через час выхожу и вижу десяток человек, мнущихся в очереди. Увидев меня, все хором завопили:

– Мы думали, что это ты там заседаешь и что-то с тобой приключилось, собрались скорую вызывать!!! Кто же там?!

– Никого.

Снял с внутренней защелки и открыл дверь. Понятно, на-

слушался по самое никуда. И объявлен исключительно подлым хулиганом. Удивлялся Валерке, который меня научил, но не допер о применении этого фокуса.

Но все проходит. Прошло и это. Пора уезжать. Чтобы утешить ребятню мамы повезли нас тремя видами транспорта. на теплоходе, самолете и поезде. Восторг. Хвастались до конца лета.

Все друзья оказались в разъездах у бабушек. Успел даже по школе соскучиться. А каникулы все тянулись. И в это тоскливое время я увлекся фантастикой. Научной и героической. Читал запоем. В этих книгах (советских, естественно) выстраивалась жесткая и непротиворечивая последовательность. Она повторялась в каждой книге. Наши изобретения и машины – лучшие в мире, разведчики и чекисты самые умелые и отважные, которым помогает весь советский народ. Естественно – Ленин всегда и везде. А редкие книги, где не было побед СССР, воспринимались чужими и какими-то недоделанными. Мы тогда не понимали, что такое цензура.

На первые карманные деньги за сданные бутылки, долго выбирал и купил маме первую в ее жизни губную помаду, а себе – значок октябрёнка. Красную звездочку с фотографией маленького Ленина в центре. Этот же значок мне торжественно вручили на школьной линейке во втором классе. Я возгордился.

Тут и радостная мстя подкатила. Стукач-одноклассник

влетел по полной программе. Изрисовал чернилами портрет Ленина в своем учебнике, да так, что училка, увидев это, чуть в обморок не упала. Кряканье выдала громко и художественно. Мы в полном восторге ржали все классом. Потом жутко перепугались. Разбор залета выполнялся на общешкольной линейке. Присутствовали и старшеклассники, и учителя. Все гнобили бедолагу. Наш класс молчал. Виноватыми себя чувствовали. С нас ведь тоже спросили: «Как вы такое могли допустить. Почему сразу не сообщили?». И это во втором классе... А потом придурок убыл в неизвестную другую школу. Надеюсь.

Первую в жизни двойку я получил также во втором классе. За диктант по украинскому языку. Заслуженно. Малоვა-то книг на украинском читал. Зато стихи на украинском за-поминал влет и декламировал без малейшего акцента. Этим и спасался от троек за четверть. А результаты моего чистописания демонстрировали всему классу: «Как не надо писать». Но четверку за четверть и год все-же натягивали: хорошисты, как и отличники, требуются во все времена.

В виде награды, за успешное окончание второго класса, мама взяла меня с собой в дом отдыха. Городок Ворзель под Киевом. И санаторные корпуса в сосновом лесу. Долго не мог поверить, что деревья могут быть таким огромными. А под ними – маслята в безумном количестве. Все червивые.

По ночам белки забирались в комнаты через открытые окна. Съедали сласти, остававшиеся на столах. В руки не да-

вались, но на кроватях иногда сидели. Скушно неимоверно. Даже пруд с огромным количеством головастика и лягушек не спасал. Тем более, что в нем запрещалось купаться.

Потом женщины выявили соседку – какую-то безумно крутую певицу. Она благосклонно отнеслась к предложению провести вечер песни. После первого завывания все мужики незаметно исчезли из зала. Я – за ними. Они по пиву, а я поддержал компанию лимонадом. Угостили коллеги.

Каждое воскресенье мама брала меня с собой в Киев. Самым тяжелым испытанием оказалась экскурсия в Киево-Печорскую Лавру. Особенно пещеры. И кельи, в часть которых можно было заглянуть. Только освещения там не было. И вдруг, одна из женщин заявляет, что увидела тело на скамейке в дальнем углу кельи. И я начал шарахаться от всех дверей по ходу пещеры.

Потом обывок. После того, как увидел ряд стеклянных ящиков, в которых находились скелеты, одетые в богатые одежды. И надписи – граф такой-то... Странно, но длина этих ящиков была не больше метра. Это что, были дети?

Экскурсовод объяснил, что особо сухой воздух пещер способствует естественной мумификации тел умерших. Мне от этого уютней не стало. Хотелось побыстрее уйти отсюда.

В конце похода по ближним пещерам нас собрались вести в дальние пещеры. Тут я заныл, очень громко и противно. Особенно после того, как увидел мумию святой, лежавшей на скамье в коридоре. Она была почти полностью накрыта

черной материей. Только ее левая рука оказалась открытой. Черная кожа и белые ногти. И эту руку целовали проходящие женщины. В общем, не выдержал я... Большинство экскурсантов меня поддержало.

После этого демонстрация церквей, разрушенных фашистской бомбежкой, уже не впечатляла. Хотя золотые кубки с эмалевыми картинками в музее показались очень красивыми.

На следующее воскресенье мы поехали по киевским магазинам. Наверное, именно тогда я возненавидел шопинг. Уже после третьего огромного магазина казалось, что подо мной качается пол. И ужасно болела голова. Перед четвертым магазином я решительно уселся на крыльцо и заявил, что никуда не пойду. Ворох покупок не позволил маме тащить меня за руку. И взяв с меня обещание, что никуда не уйду, она отправилась в это чудовищное здание.

Отсутствовала мама очень долго. Я уже начал беспокоиться – что с ней случилось? А тут еще прохожие взбесили. Начали монетки бросать. Заорал: «Я НЕ НИЩИЙ!!!», да так, что все шарахнулись. Меня трясло от злости и унижения. Так впервые проявилась моя гордыня. Но как это было обидно... Мама, узнав – смеялась.

В третьем классе нас готовили уже в пионеры. Водили в сквер имени Павлика Морозова с облупленным гипсовым горнистом. Которым Павлик никогда не был. Выдали для прочтения серию книг о юном герое. Читал, ужасался жиз-

нюю того времени и восхищался отвагой Главного пионера Советского Союза. Но чем ближе подходило время собеседования на соответствие высокому званию Юного пионера Советского Союза, тем больше подкатывал страх от необходимости закладывать своего папаню в милицию. Как врага народа. Для того, чтобы соответствовать...

К счастью, такой вопрос на собеседовании никто не задал. Нас большим стадом загнали в огромный Дом Культуры и повязали красные галстуки. А потом мы сами выступали на праздничном концерте с песнями и плясками. Я читал очень длинный патриотический стих. Учителя восхищались памятью. Остальные зрители тем, что стих все же закончился.

Ага, чудо-ребенок. Не только память. Отец рано научил меня играть в шахматы. И я, как вундеркинд, в обязательном порядке, обыгрывал пьяненьких гостей. С тех пор ненавижу эту игру. И шашки, за компанию.

А сами компании гостей воспринимал очень даже неплохо. Приходили интересные люди, которые рассказывали много нового, в том числе и о том, о чем не говорилось по радио и не писалось в газетах. Вспоминали грустную шуточку главного немца во время капитуляции, когда он показал на американцев с англичанами и спросил: «А эти что, нас тоже победили?» Отец с гордостью демонстрировал фотографии военных лет. Портреты друзей – фронтовиков, общие фотографии сборной армии по футболу. Он в ней играл по-

лузащитником, имел прозвище «Танк» и даже закатил победный гол в финале первенства армий, проходившем в Берлине 1945 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.